

Людмила Волок

ВИНО МОЕЙ ЖИЗНИ

Конечно, босоножки на каблуках я обула зря. Подумала об этом сразу, как только вышла из рейсового автобуса. Это полчаса назад я смотрела в окно и видела медленно набегающие на берег морские волны — трасса проходила совсем рядом с побережьем. Но потом автобус свернул на пыльную проселочную дорогу, и больше не стало видно моря.

Потянулись пока еще зеленеющие под солнцем луга и усталая трава на обочинах. Солнце в этом году начало жарить немилосердно уже с весны. Отец сказал, что такое жаркое лето (а ожидалось именно жаркое) — это хорошо для вина. Но для меня это было плохо: жару я всегда ненавидела. Ненавидела потных людей в маршрутках, к которым в часы пик поневоле приходилось прислоняться. Бр-р-р. Ненавидела душный офис, где жадный владелец нашего агентства не хотел устанавливать кондиционеры. И ненавидела потную себя, когда надо было идти на встречу после полудня, и приходилось искать ближайший к месту встречи туалет, чтобы перед визитом к потенциальному клиенту умыться прохладной водой, кое-как высушить салфетками

вспотевшую в маршрутке ложбинку на спине и подмышки...

Но, слава богу, офис, город и потные попутчики скоро останутся позади — у меня был отпуск! Правда, не то чтобы отпуск ожидался веселым и роскошным. Зато я его получила. Потому что мой начальник, он же хозяин ивент-агентства «Серпантин» Василий Сергеевич Чижов (черт бы его побрал) не любил тратиться не только на кондиционеры. Он не любил также отпускать сотрудников в оплачиваемый отпуск.

Но я умудрилась отпросилась на неделю в неоплачиваемый. Отец весной долго болел, и теперь попросил приехать, помочь на винограднике. И хотя мы с ним не очень-то ладили в последние годы, я согласилась приехать. Тем более что это был хороший повод вырваться из привычного круга жизни. Я крутилась в нем постоянно, как белка в колесе, и очень устала.

Наконец, автобус натужно чихнул и остановился.

— Веселое. Стоянка пять минут! — сообщил водитель и открыл дверь. Я подхватила небольшую дорожную сумку со своими вещами и городскими гостинцами для отца и вышла на улицу. Класс. Два часа дня, температура воздуха — градусов сорок, наверное.

— А еще ж даже июнь не начался! Что там

дальше будет? — словно подслушав мои мысли, покачала головой бабка с пустой корзиной в пятнах красного сока — наверное, возила клубнику на городской рынок продавать. Из вежливости мне пришлось согласиться с попутчицей:

— Ага.

Я осмотрелась вокруг в поисках серого отцовского пикапа, но ничего похожего на небольшой стоянке рядом с сельской автостанцией не обнаружила. Набрала номер отца:

— Пап, я приехала. А твоей нигде машины не вижу.

— Здравствуй, Маргаритка! Ох, у меня тут незадача, не заводится старая зараза. Ты с Майей?

— Нет, оставила на Нину, я же всего несколько дней у тебя побуду, зачем ее по жаре тащить...

— Хорошо, что одна, а то я уже отчаялся с этой машиной возиться. Не представляю даже, как бы вы там без меня вдвоем страдали, на этой автостанции, — начал сокрушаться он. — Ну, я все-таки попытаюсь ее завести, а ты пока пешочком иди навстречу, доча.

Ну вот, так и знала, что что-то пойдет не так! Блин, проклятые каблуки. А теперь еще чесать по грунтовке битый час.

Я вздохнула, достала из сумки солнечные очки и свернула на узкую улочку слева от станции.

Скоро она вывела меня из унылого села с поразительно оптимистичным названием «Веселое», немного попетляла между садов и ровной стрелой легла на юго-запад. Небольшая тень от деревьев закончилась. Я остановилась, достала из сумки футболку, сложила вдвое и водрузила себе на голову — может, хоть так меня солнечный удар не хватит. Или если и хватит, то не сразу.

Минут через пятнадцать я достигла вожделенной ивы — она росла на обочине чьего-то большого огорода, и здесь всегда можно было остановиться и отдохнуть в тени раскидистого дерева. Иве было, наверное, лет сто или двести. И путники всегда возносили хвалу хозяину поля, который не спилил ее, а пожалел — и иву, и путников, хотя она отбирала у огорода квадратов тридцать полезной площади.

Устало опустившись на траву, я сняла опостылевшую обувь и с наслаждением вытянула ноги. А затем растянулась на траве, подложив под голову футболку, и прикрыла глаза. Солнце, просвечивая сквозь ажурные ивовые листья, мерцало маленькими искорками. Ветерок ласкал щеки, играл волосами у лба. Только какое-то настырное насекомое густым басом жужжало у самого уха — ж-ж-ж, ж-ж-ж. Я взмахнула рукой, отгоняя его — и проснулась.

Звонил мой телефон. Я резко села — даже

голова закружилась. В трубке раздался взволнованный голос отца:

— Доча, ты где? Я так и не завел машину. А ты уже должна была час как дома быть. Случилось что?

— Да ничего, пап. Под ивой задремала, — ответила я и коротко засмеялась.

— Ох, бедная, — посокрушался отец. — Ну ничего, ты, давай, помаленьку... А я тебе супчик сварил... Вечером вино хорошее откроем. Жду!

Мысли ни о супчике, ни о вине меня не вдохновили. Мечтала я только о прохладном душе и полном ведре родниково й воды, потому что уже давно допила небольшую бутылочку минералки, которую брала с собой в дорогу. Эх, надо было на автостанции хотя бы водички себе купить...

Я поднялась, отряхнула с платья несколько засохших листьев. Водрузила снова на голову футболку, а обувь решила проигнорировать — взяла босоножки за ремешки и отправилась дальше в путь, легкомысленно ими размахивая.

Но очень скоро снова одолела жара. И когда рядом притормозила попутка, я уже еле плелась по пыльной дороге, с трудом переставляя ноги.

— Куда вас подбросить? — спросил молодой водитель, открыв окно возле пассажирского сиденья.

Я остановилась, без интереса рассматривая

красный пикап — эту модель кузова в здешних краях предпочитали всем другим.

— Мне на самый край поселка, улица Восточная, два.

— К Ивану Дмитриевичу? — обрадовался почему-то парень.

— К нему, — согласилась я.

— Да вы садитесь, устали, наверное, — и он распахнул передо мной дверь.

Осторожная мысль о том, что «он, может быть, маньяк» слабо трепыхнулась и исчезла. Во-первых, маньяки не ездят на пикапах, в рабочих комбинезонах и с канистрами на задних сиденьях. Так я предполагала. А во-вторых, мне было уже все равно — лишь бы добраться в конце концов к точке назначения, к прохладе дома, и к душе, и к воде... К целому ведру воды, которое я выпью...

— Там у вас справа, в двери, есть кармашек — возьмите бутылку с минералкой, — словно прочитал мои мысли водитель.

Без лишних церемоний я тут же схватила поллитровую емкость и с жадностью выпила воду, с трудом отрываясь между глотками на бурное изъяснение благодарности:

— Спасибо вам... Вода!.. Вот, честное слово, если бы мне предлагали сейчас на выбор — кольцо с бриллиантом или бутылку воды, выбрала бы воду!

Парень засмеялся.

— Да и какая польза вообще от бриллиантов?

— Ну... Красиво... — я задумалась.

Вообще-то, мне бриллианты никто не дарил. Даже отец Майи. Особенно — отец Майи, Кирилл, моя первая любовь, будь он проклят, гад ползучий.

— А вы Ивану Дмитриевичу кем приходитесь? — спросил парень.

Я скосила глаза: его загорелые руки уверенно и спокойно лежали на руле, успевшие выгореть на солнце светлые волосы трепал ветер, врывающийся в открытое окно машины. Он смотрел вперед, и понятно было, что спросил просто так — из вежливости. Наверняка понял, что я — дочь того самого Ивана Дмитриевича, с которым он, похоже, знаком.

— Меня зовут Маргарита, — ответила я, отводя взгляд от парня.

— А я — Павел. Мы с вами соседи, — объяснил он и сразу же добавил: — Приятно познакомиться!

Я промолчала. Меня всегда раздражало это обязательное «приятно познакомиться». Еще неизвестно, что это знакомство принесет. Может, наоборот, будет все плохо, или вообще ужасно... Поэтому я никогда так не говорила. Из принципа. Просто улыбалась в ответ — и все.

Оставшуюся часть пути мы молчали. Когда пикап Павла остановился напротив ворот

отцовского дома, парень легко выпрыгнул из машины, достал с заднего сиденья мою сумку и босоножки, помог мне выйти. Я оценила вежливость соседа, сказала совершенно искренне:

— Спасибо большое, Павел. Без вас я, наверное, свалилась бы где-то на середине пути от жары.

Он засмеялся. Лицо у него было простое и открытое, и смеялся он так же — просто и открыто.

— Ну, счастливо. Увидимся!

Но не успел он отъехать, как из калитки вышел отец — в широкой гавайской рубашке и шортах защитного цвета. Он виновато обнял меня, похлопал по спине, но обратился к Павлу:

— Спасибо, Паша, что подвез мое сокровище.

— Да не за что, Иван Дмитриевич.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, я посмотрела вслед отъезжающему красному пикапу.

— И давно у тебя сосед появился? — спросила отца.

— С февраля, — скупое ответил он. — Да идем в дом, жарко!

Дом был каменным, большим и прохладным. Этот дом я всегда любила, хотя вообще жизнь в Веселом меня раздражала, я хотела поскорее уехать в большой город с его возможностями и легкостью, с которой эти возможности можно было менять одну на другую.

А здесь возможностей не было. В лучшем случае могла быть только страсть к одному-единственному, избранному на всю жизнь делу. Вот как у моего отца, например.

Он был виноделом в бог знает каком поколении. На его винограднике мы все и работали — и отец, и мама, пока была еще жива. И я, когда была маленькой, и когда подросла — пока не уехала в город, вырвавшись, наконец, из сонной провинциальной жизни, полной тяжелого труда.

Виноградник был небольшим, можно сказать — маленьким, всего два гектара. Мы вполне справлялись на нем втроем, лишь на сбор урожая нанимали сезонных рабочих. Отец не любил, когда о нем говорили, что он делает «домашнее вино». Он утверждал:

— Я делаю вино не по рецепту, а по технологии. И у меня не домашнее вино, а авторское!

Все в поселке считали его чудаком. И когда окрестные виноградники начала скупать крупная винодельческая фирма «ВиноФест», он свой участок не продал. Хотя мама уже тогда говорила:

— Ваня, продавай. Нет у меня больше сил на этот рабский труд.

Так она и умерла — уговаривая отца все продать, переехать в город и зажить легкой сытой жизнью. В «ВиноФесте» предлагали за участок

хорошие, справедливые деньги. А отец отказался.

Теперь мы сидим с ним в саду, за большим столом из отполированного темного дерева, и пьем зеленый чай. Жара потихоньку спадает, длинные тени ложатся на уходящие вдаль ровные ряды винограда — они начинаются недалеко от нашего дома, сразу за небольшим садом и огородиком. После душа и дневного сна я снова чувствую себя человеком.

— Ты Майю зря не привезла, — опять заводит свое отец. — Она бы тут на свежем воздухе ожила.

— Пап, ты хоть представляешь, какво ее таскать по автобусам, по жарюке этой?! — вспыхиваю моментально, как спичка.

Потому что моя шестилетняя дочь Майя зачастую передвигается все еще в коляске. Она инвалид детства. Я ее люблю, конечно, — она же мой ребенок. И сердце уже не болит, — я привыкла к тому, что она такая. Жаль только, что Кирилл нас бросил сразу, как только узнал, что у дочки — ДЦП. Он нас даже из роддома не забирал. Хотя у меня уже и платье было куплено, и фата — мы собирались пожениться, как только ребеночку месяц исполнится.

Потом, конечно, все выбросила — и платье, и фату. Ну их, еще напоминать будут о нем. Я его даже не искала, этого Кирилла. Хотя все вокруг говорили — ищи, подавай на алименты. Вот еще. Я,